

Рецензия на книгу: Воробьева Н. В. Патриарх Никон: власть, вера, образ

М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019. 343 с.

Когда в 1982 г. экспедиция «Комсомольской правды» обнаружила в «таежном тупике» старообрядческую семью Лыковых, на полвека выпавшую из советского общества, одним из первых имен, которое прозвучало в беседах Карпа Осиповича Лыкова с геологами и журналистами, было имя патриарха Никона. В то время как Лыков определял открывших его убежище людей как «никониан», журналисту В. М. Пескову пришлось дать обширный (и вполне корректный) исторический экскурс для читателей молодежной газеты, многим из которых имя патриарха вряд ли было знакомо. Образ патриарха Никона представляет собой прекрасный пример сосуществования в современной России параллельных «коллективных памяти», несводимых друг к другу, а иногда и прямо противоречащих друг другу — памяти, формирование которых началось задолго до XX в. Этот образ является ключевым для «больших нарративов», посвященных церковному расколу и конфликту священства и царства¹. Именно это выводит любое исследование образа патриарха Никона за рамки простого историографического исследования.

Книга Н. В. Воробьевой посвящена образу патриарха Никона в российской историографии и в российской культуре в целом: в поле зрения автора попали художественная литература, кинематограф и Рунет. Не боясь показаться консерватором и ретроградом, рискну предположить, что поставленной автором задаче могла бы соответствовать скорее хронологическая структура работы. Строго говоря, другого выбора и не остается — ведь историки или беллетристы, высказывавшие самые противоположные оценки деятельности патриарха Никона, в равной мере оказыва-

1. Интересно, что наблюдатели, не связанные этими нарративами, воспринимают биографию патриарха Никона иначе. Мне не раз приходилось рассказывать о нем моим австрийским и французским студентам, и я получал в ответ либо

недоуменный вопрос, либо восхищенное замечание о «социальных лифтах», существовавших в Московском государстве, благодаря которым крестьянский сын мог достичь высшего церковного сана.

лись зависимыми от введенных в научный оборот источников, а последние вводились в научный оборот постепенно. Исследовательница же прибегла к несколько рискованной, с нашей точки зрения, тематической структуре, выделив в отдельные главы «Историографический образ патриарха Никона», «Патриарха Никона в историческом сознании и массовой культуре» и «Изучение богословских воззрений патриарха Никона».

При таком расположении материала первой главой исследования скорее должна была стать вторая, в которой исследовательница обращается к «Известию о рождении, и о воспитании, и о житии святейшего Никона», написанному его клириком Иваном Шушериним. Литературоведческая интуиция не обманывает автора — это действительно ключевой текст, содержащий своего рода «большой нарратив» всей последующей апологетической литературы о Никоне². Н. В. Воробьева совершенно верно противопоставляет житие, написанное Шушериним, антистарообрядческому «антижитию», исследованному В. Н. Перетцем. Кстати, для XVII в. есть, по крайней мере, еще одна подобная пара произведений — это анонимное житие патриарха Иоакима и его антижитие, включенное дьяконом Федором Ивановым в «Послание сыну Максиму».

Менее повезло другому важнейшему памятнику XVII в. — «Известию истинному о... новоисправлении книжном» Сильвестра Медведева. Представляется, что Н. В. Воробьева недооценила этот памятник, представляющий собой нестарообрядческую критику литургической реформы. Вместе с тем оборванной оказалась и важная линия, ведущая от «Известия» к исследованиям А. А. Дмитриевского, который воспринял многие аргументы Сильвестра Медведева.

Зато XVIII в. в исследовании Н. В. Воробьевой оказался неотраженным. Заполнить этот пробел помогло бы исследование рукописной традиции «Известия» Шушерина, которое часто переписывалось в составе одних и тех же сборников постоянного состава, содержащих сочинения Никона. Подобные «никоновские сборники», переписанные в XVIII в., было бы возможно связать

2. В свое время Е. Голубинский, посетовав на почти полное отсутствие «церковных монографий» в древнерусской литературе, указал два исключения — сочинение Иоанна Шушерина и «Сказание» Авраамия Палицына (Голубинский Е. История Русской Церкви. Т. 1 : Период первый, Киевский или

Домонгольский : 1-я половина тома. 2-е изд. М. : Университ. тип-я, 1901. С. XII). Со своей стороны, рискну подчеркнуть литературное новаторство Шушерина — перед нами агиографическое произведение, опирающееся на автобиографические рассказы самого главного персонажа жития.

с церковной средой, оппозиционно настроенной по отношению к вмешательству государства в церковные дела. Не попала в исследование Воробьевой и словарная статья в «Словаре» Н. И. Новикова, основанная на том же «Известии» и проникнутая крайне положительным отношением к персонажу³. Кстати говоря, такова участь почти всех словарных статей о Никоне — исследовательница как будто недооценивает их значение в формировании представлений читающей публики о патриархе.

Само по себе исследование «историографического образа» Никона начинается у Н. В. Воробьевой с одиннадцатого тома «Истории...» С. М. Соловьева (которого исследовательница сдержанно критикует) и с ответа Н. И. Субботина (которому она скорее сочувствует). Исследовательница совершенно справедливо указывает, что этот этап в историографической разработке темы связан с вводом в научный оборот дела о патриархе Никоне. Изложив историю публикации и исследования дела, дав перечень опубликованных и неопубликованных материалов «дела», Воробьева успевает заинтриговать читателя, создав у него представление, что первые публикации были несколько тенденциозными, широко представлявшими версию обвинения⁴. Представляется, что аргументированно доказать этот тезис могло бы только приложение к книге, содержащее перечень всех архивных документов из дела Никона с указаниями на все их публикации. В отсутствии такого приложения данный тезис остается интересной гипотезой.

Анализируя историографию 1880-х — 1900-х гг., Воробьева выделяет «критическое направление», возглавляемое Н. Ф. Каптеревым. Согласно мнению исследовательницы, «активная публикация» старообрядческих авторов в пореформенной России приводила к тому, что широкий читатель начинал видеть события XVII в. глазами старообрядческих авторов, в то время как «Известие» Шустерина издавалось «незначительными тиражами» (с. 80).

Анализируя то, что было сделано в этой области в советское время, Н. В. Воробьева сталкивается с определенными трудностями

3. Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях : Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий. СПб. : Тип-я Императорской академии наук, 1772. С. 331. Кстати, следует отметить что в «Опыте...» нет статьи о протопопе Аввакуме.

4. При этом кажется, что исследовательница по крайней мере один раз путает памфлет Н. И. Суб-

ботина «Дело патриарха Никона» (М. : Тип. В. Грачева и Ко, 1862) с осуществленной в 1897 г. публикацией материалов дела (Дело о патриархе Никоне : Издание Археографической комиссии по документам Московской синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки. СПб. : Печатня С. П. Яковлева, 1897).

ми. Надо сказать, что эти трудности не связаны с ее методом или с той литературой, которую она освоила (Н. В. Воробьевой удалось выявить здесь большинство значимых публикаций). Речь идет о некоторых общих проблемах, связанных с тем, как можно было бы подойти сейчас к текстам, написанным советскими историками на заданную тему. Обыкновенная ссылка на идеологические установки не подходит. Учитывая то подчиненное место, которое занимала церковь на исходе синодального периода, российским социал-демократам (в отличие от их коллег из других стран) практически не приходилось бороться против «клерикализма»; поэтому никаких полезных цитат, которые можно было бы «опрокинуть в прошлое», в их распоряжении не было. Ни Ленин, ни Сталин ничего о Никоне не писали, поэтому создавать официальную концепцию церковного раскола советским историкам пришлось самим. Не помогает и ссылка на цензуру — проанализированный Воробьевой роман А. П. Чапыгина «Гулящие люди» (1937) показывает, что никакого общего запрета на упоминание имени патриарха Никона не существовало.

Вместе с тем умело подобранные автором цитаты из произведений историков 1930–1950-х гг. производят крайне странное впечатление. Часто историки сводят все к личным чертам Никона, к его властолюбию. Налицо чистый регресс, шаг назад по отношению к работам Н. Ф. Каптерева или А. А. Дмитриевского. Понятно, что подобный подход не имел ничего общего с какими-то марксистскими положениями.

Представляется, что исследовательница могла бы восстановить тот коридор возможностей, который оставался у советских историков. Известные характеристики сословно-государственного строя Московской Руси как монархии с Боярской думой и боярской аристократией, а петровской России — как дворянской монархии не оставляли больших шансов для автономии церковной власти, поэтому возникал соблазн описывать любую «клерикальную» оппозицию как обреченную. Возможно, свою роль сыграло и то, что важнейшие тексты, опубликованные до революции, были доступны только в нескольких центральных библиотеках.

Переходя к современной историографии вопроса, Н. В. Воробьева разбирает в одном и том же регистре важнейшие публикации, изменившие историографическую ситуацию, и простые пробы пера. Совершенно справедливо отметив значение тысячелетнего юбилея крещения Руси, приведшего к перестройке всех церковно-государственных отношений (1988 г.), автор

не упомянула о другом юбилее, который Русская православная церковь отметила за семь лет до этого в полном одиночестве — трехсотлетия со дня смерти патриарха Никона. Выходившие крошечным тиражом «Богословские труды» откликнулись на этот юбилей вполне апологетической статьей прот. Льва Лебедева, а также переизданием статьи В.М. Ундольского и отрывков из «Возражения или Разорения» Никона. Это был действительно перелом, прорыв. Нельзя сказать, что Н.В. Воробьева не цитирует работ Лебедева — но цитируются они в разных местах исследования, безо всякой констатации их субверсивного характера (с. 123).

Не повезло и В.С. Шульгину, с кандидатской диссертацией которого исследовательнице удалось познакомиться только по автореферату. Задуманное в годы «оттепели» диссертационное исследование В.С. Шульгина, как и написанные впоследствии главы для «Очерков русской культуры», представляли собой сознательный выход за рамки советской историографии (представляется, что автор находился под влиянием религиозоведческих концепций Макса Вебера)⁵. Именно В.С. Шульгину удалось показать, что явление, которое современники и исследователи назвали «расколом», начинается до литургической реформы и не было ею спровоцировано, но только усилено (этот вывод был впоследствии развит и уточнен В.С. Румянцевой). О значении этого вывода для историографии деятельности патриарха Никона говорить не приходится.

Переходя к работам 1980-х гг., Воробьева не учитывает две работы, появившиеся в одно и то же время, авторы которых, кажется, независимо друг от друга, пришли к сопоставимым выводам о литургической реформе патриарха Никона. Это диссертация Павла Мейендорфа, опубликованная в 1991 г., и статья В.Г. Сиромахи и Б.А. Успенского⁶. Именно эти работы и представляют последнее слово в том, что касается никоновской литургической реформы. Без их анализа трудно вести дискуссию об уровне изучения вопроса. На фоне этой лакуны всяческие похвалы автора в адрес российского «никоноведения» 2000-х гг. звучат неубедительно.

5. Шульгин В. С. Движения, оппозиционные официальной церкви в России в XVII веке. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 1967.

6. Сиромаха В. Г., Успенский Б. А. Кавычные книги 50-х годов XVII в. // Археографический

ежегодник за 1986 год. М. : Наука, 1987. С. 75–84; Meyendorff P. Russia, Ritual and Reform : The Liturgical Reforms of Nikon in the 17th Century. Crestwood, NY : St Vladimir's Press, 1991. 235 с.

Представляется, что эти сложности можно было бы преодолеть, предусмотрев несколько моментов. Во-первых, крайне полезным для монографии был бы параграф, посвященный роли историков Русского зарубежья в изучении проблемы. Вклад историков-эмигрантов в изучение Московской Руси не следует преувеличивать — многие из них оказались в эмиграции оторванными от источников, что обрекало их на повторы (М. В. Шахматов, Л. М. Сухотин). Однако в случае с реформами патриарха Никона ситуация принципиально иная. Большая роль принадлежит здесь семинару под руководством Н. П. Кондакова, в котором плодотворно объединились византинисты и слависты, специалисты по церковному праву и по средневековому искусству. Одну из работ, написанных в русле семинара, — статью Г. В. Вернадского — автор цитирует, для другой из них — основополагающей статьи Г. А. Острогорского — в библиографии не нашлось места⁷. Представляется, что одновременная работа Г. В. Вернадского, прот. Георгия Флоровского, М. В. Зызыкина и А. В. Карташева, чьи публикации в это время не доходили до советского читателя, создала в Русском зарубежье основной форум для обсуждения проблемы⁸. Показательно, что никакого общего знаменателя все равно найдено не было — если прот. Георгий Флоровский склонен оспаривать утверждение Ю. Ф. Самарина о том, что «за великою тенью Никона затаился призрак папизма», то Г. В. Вернадский в своем предисловии к «Возражению или Разорению» показывает католические источники его представлений, в том числе и цитату о «двух мечях» из папы Григория VII. Совершенно не случайно, что и «Возражение или Разорение» Никона было впервые опубликовано не в России, а в Зарубежье. Н. В. Воробьева упоминает эту публикацию, но, кажется, недооценивает ее исключительный характер — ведь это единственное произведение древнерусской литературы, научное издание которого появилось не в России, а в эмиграции. А с чем можно сравнить поистине детективную историю микрофильма

7. Вернадский Г. В. Византийские учения о власти царя и патриарха // Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1926. С. 143–154; Острогорский Г. Отношение Церкви и государства в Византии // *Seminarium Kondakovianum*. 1931. Вып. 4. С. 121–134.

8. Именно обращение автора с этими именами заставляет еще раз вернуться к вопросу о структуре книги. Протоиерей Георгий Флоровский появля-

ется в тексте два раза, причем автор упоминает о переиздании его работ на родине в 1980-х гг. и цитирует его характеристику реформ митр. Петра Могилы, вызывающую в историографии последних лет большие споры. А. В. Карташеву повезло несколько больше, поскольку Н. В. Воробьева цитирует как те его положения, с которыми она решительно не согласна, так и те, которые вызывают у нее поддержку.

рукописи, сделанного В. И. Малышевым и подпольно пересланного им Г. В. Вернадскому?

Во-вторых, не совсем понятно, почему Н. В. Воробьева полностью обошла вопрос о роли Никона в судьбах русского иконописания. Никак не отмеченной осталась блестящая статья Н. Е. Андреева «Аввакум и Никон об иконописании», в которой автор выдвигает тезис о принципиальном сходстве эстетических взглядов патриарха и протопопа, отмеченных консерватизмом⁹. Не упомянутой оказалась и монография О. Ю. Тарасова, в которой автор настаивает на том, что «исправление знаков старого благочестия на моленных образах», проведенная при Никоне, являлась логичным добавлением к «книжной справе»¹⁰. Можно сказать, что это частные аспекты. Однако сама по себе эта сторона деятельности Никона по-своему знаменательна — будучи консерватором по своим эстетическим воззрениям, Никон создал своими реформами условия для развития новых течений в русской иконописи, так что новаторы, вроде Иосифа Владимирова, клялись его именем. Несовпадение личных взглядов Никона с тем, что явилось реальным результатом инициированных им преобразований, вполне знаменательно, и, кажется, так получилось не только с иконописью.

В-третьих, хотелось бы поделиться странной аналогией. Читая историографические обзоры исследований Никона, подготовленные Н. В. Воробьевой, я все время ловил себя на мысли, что они напоминают мне один развившийся в последнее время жанр современной журналистики — а именно, отчеты о процессах против генеральных менеджеров. Многие авторы, цитируемые Н. В. Воробьевой, просто пишут именно в этом жанре — здесь и мелочные упреки, и последовательное стремление делегировать главному герою ответственность за детали, о которых он, возможно, и не был информирован.

Я совершенно не собираюсь модернизировать деятельность Никона, описав ее в псевдосовременных категориях. Но представляется важным сказать, что Никон был исключительным организатором. Каждый раз, оказываясь на новом месте, Никон неуклонно оптимизировал те структуры, которые были ему подотчетны, а в случае необходимости и радикально реформировал их (отсюда

9. Andreyev N. E. Nikon and Avvakum on Icon-Painting // *Revue des études slaves*. 1961. V. 38. P. 37–44.

10. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие : Очерки иконного дела в императорской России. М. : Прогресс-культура, 2009. С. 96.

и связь между административным опытом и реформами). До хрипоты спорившие о его реформах современники, а также вторящие им историки, кажется, никогда не подвергали сомнению организаторский талант — они ставили под сомнение лишь замысел и направление реформ.

Представляется, что этот удивительный консенсус, объединяющий самых разных историков, писавших о Никоне, можно было бы отметить в историографическом обзоре. Охарактеризовав Никона в первую очередь как организатора, мы, кажется, можем сформулировать те вопросы, на которые отвечает (или не отвечает) существующая историография. Не устарели ли работы, авторы которых, предложив логичный и основанный на источниках разбор той или иной стороны литургической реформы, делегируют одному патриарху ответственность за их успех или неудачу? Насколько удачным был выбор исполнителей (например, в случае литургической реформы)? Не следовало ли внутри литургической реформы отделить исправление текстов от исправления обрядов и оценить то и другое по отдельности? Была ли литургическая реформа в целом частью некоей большей реформы — реформы, которую не успели не только начать, но и обсудить? Правильная постановка всех этих вопросов, представляется, могла бы помочь точнее разобраться в «образах» патриарха Никона.

*А. С. Лавров,
д-р ист. наук*